

УДК 811.161.1-3 "1900/1930":81'234'42

ТИПЫ И ФУНКЦИИ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Исследуется проблема не прямой коммуникации в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. Определяется роль не прямых высказываний в формировании речевого поведения персонажей. Доказывается, что в речи крестьян нередко встречаются уклончивые ответы, адресованные помещикам. Они реализуются при помощи специфических речевых тактик. Важное место в дискурсах крестьян занимают речевые акты намека, а также сентенционные реализации коммуникативных намерений, среди которых преобладают не прямые высказывания. Данные типы не прямой коммуникации являются универсальными, обращенными к различным адресатам. Речевые акты намека отражают следование крестьян социальным нормам. Обосновывается, что в речи помещиков часто присутствуют риторические вопросы, адресованные представителям своего социального класса. Основная функция подобных вопросов состоит в снижении категоричности высказываний.

Ключевые слова: не прямая коммуникация; уклончивый ответ; намек; сентенционная реализация интенции.

ТЫПЫ І ФУНКЦЫІ НЕПРАМОЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ПРОЗЕ І. А. БУНІНА

Н. А. МІХАЛЬЧУК^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Даследуецца праблема непрамой камунікацыі ў прозе І. А. Буніна 1900–1930-х гг. Акрэсліваецца роля непрамых выказванняў у фарміраванні маўленчых паводзін персанажаў. Даказваецца, што ў гаворцы сялян нярэдка ўжываюцца невыразныя адказы, адрасаваныя памешчыкам. Яны рэалізуюцца пры дапамозе спецыфічных маўленчых тактык. Важнае месца ў дыскурсах сялян займаюць маўленчыя акты намёку, а таксама сентэнцыйныя рэалізацыі камунікатыўных намераў, сярод якіх пераважаюць непрамыя выказванні. Гэтыя тыпы непрамой камунікацыі з’яўляюцца ўніверсальнымі, звернутымі да розных адрасатаў. Маўленчыя акты намёку адлюстроўваюць прытрымліванне сялян сацыяльных норм. Абгрунтоўваецца, што ў гаворцы памешчыкаў часта прысутнічаюць рытарычныя пытанні, адрасаваныя прадстаўнікам свайго сацыяльнага класа. Асноўная функцыя гэтых пытанняў заключаецца ў паніжэнні катэгарычнасці выказванняў.

Ключавыя словы: непрамая камунікацыя; невыразны адказ; намёк; сентэнцыйная рэалізацыя інтэнцыі.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Типы и функции не прямой коммуникации в прозе И. А. Бунина. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;1:90–99.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-90-99>

For citation:

Mikhalchuk NA. Types and functions of indirect communication in prose of I. A. Bunin. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;1:90–99. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-90-99>

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalya A. Mikhalchuk, PhD (philology), docent; associate professor at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

TYPES AND FUNCTIONS OF INDIRECT COMMUNICATION IN PROSE OF I. A. BUNIN

N. A. MIKHALCHUK^a

^a*Mogilev State A. A. Kuleshov University, 1 Kasmanaiŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

The problem of indirect communication in I. A. Bunin's prose of 1900–1930s is studied. The role of indirect utterances in the formation of characters' speech behaviour is determined. It is proved that in the speech of peasants, evasive answers are common, which are addressed to the landowners and are realised with the help of a number of specific speech tactics. An important place in the discourses of peasants is occupied by speech acts of allusion, as well as sentence realisations of communicative intentions, among which indirect statements predominate. These types of indirect communication are universal, addressed to various recipients. Allusion speech acts in the discourses of peasants reflect their adherence to social norms. It is substantiated that in the speech of landowners, rhetorical questions addressed to representatives of their social class, the main function of the questions is to reduce the categoricalness of statements, are frequent.

Keywords: indirect communication; evasive answer; allusion; sentence realisation of intention.

Введение

При изучении коммуникативного пространства художественного текста особую значимость приобретает проблема речевого поведения персонажа, а также вопрос о персонаже художественного текста как языковой личности.

В. В. Виноградов и Ю. Н. Караулов первыми начали рассматривать персонажа художественного текста в качестве модели языковой личности. Под языковой личностью Ю. Н. Караулов понимал «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1, с. 3]. Ученый сделал вывод о возможности и закономерности перехода от содержания языковой личности к содержанию художественного образа, в основе которого лежит духовный мир индивидуума [1, с. 71]. По мнению Ю. Н. Караулова, персонаж как языковая личность является носителем «культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1, с. 22].

Т. Г. Винокур трактовала речевое поведение как совокупность «речевых поступков индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [2, с. 12]. Эффективная организация речевой коммуникации осуществляется с помощью стратегий и тактик речевого общения. По определению О. С. Иссерс, стратегия речевого общения представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 54]. Под тактикой речевого поведения лингвист подразумевала одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии речевого общения [3, с. 109–110]. Кроме того, О. С. Иссерс полагала, что стратегический замысел говорящего определяет выбор средств и приемов коммуникации, «следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» [3, с. 110].

В работах по речевой коммуникации взаимодействие литературных персонажей в основном анализируется с применением двух подходов. В первом случае диалоги героев рассматриваются в качестве протоколов реальных актов речевого взаимодействия, а во втором случае они изучаются в системе координат художественного текста. Наиболее часто используется первый подход. В рамках второго подхода объектом исследования являются не только формы речевой коммуникации, но и специфика отношения к ним писателя. Задачи исследования состоят в том, чтобы определить глубинный смысл произведений путем анализа форм речевой коммуникации, описания идиостилевых особенностей творческой манеры автора.

В последние десятилетия изучение речевого поведения персонажей художественного текста все чаще вызывает исследовательский интерес. Например, А. Д. Степанов проанализировал прозу А. П. Чехова с точки зрения специфики языковых личностей персонажей, особенностей их речевого поведения [4]. В работах [5; 6] были рассмотрены вопросы не прямой коммуникации в русскоязычной прозе В. В. Набокова. Однако немногие русскоязычные произведения (как классические, так и современные) были исследованы в коммуникативно-прагматическом аспекте. Не были выявлены и характерные черты речевой коммуникации в художественном тексте с позиций диахронии.

Принимая определение В. В. Дементьева, мы трактуем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [7, с. 5].

К одной из разновидностей не прямой коммуникации относятся косвенные речевые акты, которые Дж. Р. Серль определяет как случаи использования в целях передачи иллокуции Y высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции X . Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* с точки зрения грамматики представляет собой вопрос, но в рамках коммуникации она используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как вопроса, т. е. в первичной функции, возможно в определенных контекстах, но в практическом плане это часто не имеет смысла [8].

В последние десятилетия лингвисты неоднократно исследовали различные типы не прямой коммуникации, однако сфера художественной коммуникации нечасто оказывалась в центре их внимания. Так, В. В. Дементьев рассматривал категорию не прямой коммуникации не только как одну из важнейших коммуникативных речевых категорий, но и как первостепенную языковую категорию [7, с. 91]. К основным показателям не прямой коммуникации ученый отнес косвенный способ передачи информации, наличие смысловых лакун (имплицитные смыслы, которые необходимо декодировать и перевести в эксплицитное состояние), непредсказуемость реакций адресата, а также интенциональность реплик говорящего. Лингвист разграничил понятия «имплицитность» и «не прямая коммуникация», а именно рассмотрел имплицитность в качестве одной из составляющих не прямой коммуникации наряду с такими лингвистическими явлениями, как косвенные речевые акты, тропы, иронические высказывания, игра [7, с. 12]. По мнению В. В. Дементьева, в качестве важнейшего свойства не прямой коммуникации как коммуникативной категории выступает апелляция к осложненной интерпретативной деятельности адресата речи.

На материале современной драмы Я. В. Боргер осуществила комплексный анализ речевых актов негативной реакции¹. В основу классификации косвенных речевых актов Э. Э. Паремузашивили, изучавшая речевую агрессию в сфере не прямой коммуникации, положила представления об основных функциях языка, описанных В. В. Виноградовым (общение, сообщение, воздействие)². На материале английского языка Н. И. Власенко исследовала косвенные речевые акты в деловой и частной переписке, подчеркнув ситуативную обусловленность их употребления по классам и подклассам, а также специфику использования косвенных речевых актов-макротекстов³.

В статьях по прагмалингвистике Т. В. Нестерова рассмотрела контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты в обиходной сфере общения и предложила их подробную классификацию. Так, лингвист выделила 40 типов контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов с интенцией отказа [9].

В аспекте идиостиля была исследована смыслообразовательная нагрузка косвенных речевых актов, включенных в речь персонажей русскоязычной прозы В. В. Набокова, определены функции четырех наиболее частотных классов косвенных речевых актов. В публикации [5] было указано, что в творчестве В. В. Набокова создан особый социально-психологический тип персонажей, в формировании речевых портретов которых ключевую роль играет не прямая коммуникация. В работе [6] были проанализированы важнейшие стилистические функции не прямых высказываний в прозе В. В. Набокова (создать художественный образ персонажа, реализовать ключевые идеи произведения, выразить не прямую авторскую оценку, имплицитировать сюжетобразующее событие).

Цель данной статьи – выявление типов, функций, преобладающих коммуникативных стратегий и тактик, а также интенциональных значений не прямой коммуникации в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. Анализу подлежит группа не прямых высказываний (общее число речевых актов – 160). Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалога и в нарративном контексте, отражающем реплику в диалоге (типа *он кивнул*). Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа (основной), описательный метод (для характеристики не прямой коммуникации, типов коммуникации и речевых стратегий), а также метод анализа и синтеза (для теоретического обобщения языковых фактов).

¹Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматургических произведений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тюмень, 2004. 22 с.

²Паремузашивили Э. Э. Речевая агрессия в не прямой коммуникации: на материале русской классической и современной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2013. 22 с.

³Власенко Н. И. Косвенные речевые акты в эпистолярном жанре: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. СПб., 1999. 16 с.

Основная часть

В 1900–1930-х гг., которые стали временем определения творческого пути И. А. Бунина, были написаны ключевые повести и рассказы. В прозе И. А. Бунина указанного периода в зависимости от сословной принадлежности персонажей выделяются две группы языковых личностей – помещики и крестьяне.

Начиная с рубежа веков в прозаических произведениях писателя очевидно богаче, разнообразнее и выразительнее становятся коммуникативные характеристики представителей крестьянского сословия. В коммуникативной структуре значимых для этого периода художественных текстов высказываниям данных языковых личностей отводится особое место. Крестьяне чаще, чем помещики, являются носителями речи. Так, в повести «Суходол» 21 % речевых актов (75 примеров) принадлежит помещикам, 79 % речевых актов (277 примеров) – крестьянам, в рассказе «Божье дерево» 17 % речевых актов (58 примеров) принадлежат помещикам, 83 % речевых актов (275 примеров) – крестьянам, в рассказе «Обуза» 28 % речевых актов (29 примеров) принадлежат помещикам, 72 % речевых актов (76 примеров) – крестьянам, в рассказе «Мухи» 11 % речевых актов (4 примера) принадлежат помещикам, 89 % речевых актов (33 примера) – крестьянам, в рассказе «Лапти» 42 % речевых актов (10 примеров) принадлежит помещикам, 58 % речевых актов (14 примеров) – крестьянам и др.

После 1917 г. в творчестве писателя появляются рассказы, построенные в форме диалога («Брань», «Обуза», «Мухи», «В саду», «Божье дерево»). Партнерами по коммуникации в произведениях, как правило, выступают помещик и крестьянин, помещик и мещанин. В рассказах «Обуза», «Божье дерево», «Брань» иницирующие реплики принадлежат барину, а реактивные реплики – мужику, что отражает глубокий интерес писателя к народному мировоззрению и быту. В рассказе «Брань» диалог крестьянина и помещика строится в форме конфронтации, что эксплицирует вывод писателя о невозможности понимания между представителями разных сословий. В рассказах более позднего времени («Обуза», «Мухи», «В саду», «Божье дерево») диалоги между представителями двух социальных классов организуются с соблюдением принципов кооперации и толерантности, предполагают либо согласие, приспособление друг к другу, либо неодобрение, но принятие и понимание. Данная особенность диалогического дискурса в рассказах 1900–1930-х гг. коррелирует с изменениями в мировоззрении писателя.

И. А. Бунин изображает крестьян яркими, неординарными, смелыми, творческими языковыми личностями, владеющими коммуникативной и прагматической компетенцией. В прозе писателя крестьяне используют некатегоричные речевые акты несогласия, отказа и неодобрения, обращенные к помещикам (32 примера), что отражает их стремление к поиску компромисса, кооперации в общении. В качестве способов снижения категоричности несогласия выступают указание на субъективность (акцентирование мнения собеседника) (1), сентенционное несогласие (2–5), использование риторического вопроса (6–7), метафорическое несогласие, на грамматическом уровне выраженное риторическим вопросом (8), употребление контекстуально-ситуативного косвенного речевого акта, сопровождаемого указанием на причину отказа и содержащего обещание выполнить просьбу в будущем (9), употребление косвенного речевого акта, который по форме представляет собой вопрос, а по значению выражает несогласие (10–11).

(1) – Нет, барин, *это только мнение*⁴. Это вам только так кажется по вашему здоровью. А захворали бы не хуже меня, что ж бы вы сделали? Лежали бы себе да лежали. <...> Нет, *это только одно мнение*⁵ [10, т. 4, с. 236–239].

(2) – Все вдвоем-то лучше.

– С лучком! *По могилам вдвоем не лежат* [10, т. 4, с. 228–231].

(3) – ...*Всякая козявка и та смерти боится* [10, т. 4, с. 147–153].

(4) – Так... *Надевай шапку-то*.

– Ничаго, и без шапки постоим. Вы господа, я мужик. *Бог лесу и то не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].

(5) – Да не грузный, а грустный, скучный.

– ...*По чем мне скучать? Скучать не годится. День меркнет ночью, человек печалью* [10, т. 5, с. 271–287].

(6) – ...*Разве они умеют работать? И рады бы, да не умеют* [10, т. 4, с. 228–231].

(7) – ...*А мне она (земля. – Н. М.), может, без надобности? Спросили разве меня?* [10, т. 4, с. 228–231].

(8) – ...*Это что ж – чтоб птица плавала, а рыба летала?* [10, т. 4, с. 228–231].

(9) – Ты кто такой?

Отвечает, ничуть не робея:

– Я-то? Мужик Борода. Чай люблю.

– Можешь одну кражу разгадать?

⁴Полужирный курсив в цитатах наш. – Н. М.

⁵Примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

Схлебывает и этакой скороговоркой:

– *Гадаю, милый, только на тощее сердце. До завтра, до утречка повремени* [10, т. 4, с. 247–253].

(10) – *А нам думается, – сказали мы, пытая его, – ничего на том свете не будет, ни этого рая, ни ада.*

Но тут он не согласился:

– *А как же святые-то в раю живут, если его нету?* [10, т. 5, с. 271–287].

(11) *Я ответил, что на юг, к морю, купаться.*

Он весело изумился:

– *Как купаться? Да вы бы дома-то, в речке?* [10, т. 5, с. 271–287].

Таким образом, благодаря своему врожденному дару общения, деликатности и эмпатии крестьяне интуитивно следуют правилу статусно маркированной коммуникации. В соответствии с данным правилом при реализации интенции, угрожающей лицу адресата, коммуниканту с более низким социальным статусом следует использовать косвенные высказывания по отношению к собеседнику с более высоким социальным статусом [11; 12].

Как правило, лингвисты связывают то, насколько часто не прямые высказывания встречаются в речи языковой личности, с уровнем образованности, интеллектуальными способностями говорящего, рассматривая косвенную коммуникацию как более престижный вид общения по сравнению с прямой коммуникацией [13, с. 120]. Однако в рассказах И. А. Бунина частота использования приемов косвенной коммуникации и степень образованности, уровень интеллекта носителя речи преимущественно не коррелируют. Показательно, что в речи крестьян частотными являются не прямые реализации речевых интенций. Так, например, характеризуя одну из героинь повести «Суходол», И. А. Бунин описывает особенности ее речи, в метакоммуникативном комментарии указывает на то, что в диалогах она прибегает к непрямым высказываниям: *Ответ (Наташи. – Н. М.) далеко не всегда следовал прямой и скорый* [10, т. 3, с. 7–55].

Крестьяне нередко прибегают к стратегии уклонения от ответа на вопрос (21 пример). Отказ выполнить то, о чем просит партнер, противоречит одному из базовых принципов речевого общения – принципу кооперации. Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата, и предпочтительной, более вежливой является косвенная форма его выражения [9; 11]. В рамках прагматической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона предлагается гиперстратегия скрытых ликоугрожающих речевых актов, предполагающая не прямое выражение неблагоприятных для адресатов интенций [11]. Уклончивым ответом мы считаем разновидность косвенного речевого акта (отказа), посредством которого говорящий избегает прямого ответа на заданный вопрос, принимая при этом определенные усилия для сохранения согласия с партнером по коммуникации. Основным признаком уклончивых ответов является их семантическая неопределенность. В работах Е. Г. Задворной [14], В. И. Шляхова, Л. Н. Саакяна и Н. Н. Толстой [15] выделяются различные типы уклончивых ответов.

В результате анализа прозаических произведений И. А. Бунина 1900–1930-х гг. было установлено, что в 86 % случаев крестьяне уклоняются от ответа на вопросы, принадлежащие помещикам. С одной стороны, это отражает коммуникативную компетенцию адресантов сообщений, которая базируется на природной мудрости, смекалке, интуитивном выборе кооперативного варианта речевого поведения. С другой стороны, уклончивые ответы свидетельствуют о дистанцировании от адресатов-помещиков, отказе от приятельского, сближающего этикета в пользу официального этикета. Как правило, вопросы, на которые крестьяне избегают отвечать, либо касаются частной жизни собеседника и (в единичных случаях) третьего лица, либо носят философский характер. В последнем случае адресант просит высказать мнение о смысле жизни, смерти, что дает представление об интересе помещиков и в первую очередь писателя к мировоззрению, системе нравственных ценностей представителей крестьянства.

В прозе И. А. Бунина коммуникативные тактики, с помощью которых в речи крестьян реализуются различные стратегии, отличаются многообразием и подвижностью. Так, стратегия уклонения от ответа на вопросы осуществляется путем тактик использования расхожего выражения для ухода от прямого ответа (12), ссылки на судьбу (13), ссылки на неопределенность осуществления действия (14), шутиливо-го уклонения от ответа (15), интерпретации абстрактного, философского вопроса в конкретном, бытовом плане (16), ссылки на чужой ответ на подобный вопрос (17), ссылки на сословное происхождение (18), указания на нежелание обременять собеседника своими проблемами (19), ссылки на то, что адресат не помнит того, о чем его спрашивают (20).

(12) – *Что же ты не спишь до сих пор?*

– *Да авось еще в могиле-с наспимся...* [10, т. 3, с. 7–55].

(13) – *А они отчего рано померли?*

– *Смерть пришла, вот и померли-с* [10, т. 3, с. 7–55].

(14) – *Вы, – говорит, – замуж выходите?*

- *Это, мол, выду ли, нет ли, неизвестно...* [10, т. 3, с. 84–104].
 (15) – *А отчего ты замуж не пошла?*
 – *Да жених не вырос еще.*
 – *Нет, без шуток?* [10, т. 3, с. 7–55].
 (16) – *Яков Демидыч, для чего ты на свете живешь?*
 – *Как для чего? Вот ваш сад караулю* [10, т. 5, с. 271–287].
 (17) – *Значит, не в этом одно дело.*
 – *Стало быть, что нет.*
 – *А в чем же?*
 – *В чем да в чем! Мы вот так-то возили раз с покойником-родителем хлеб с поля, а я и пристань к нему, – что, да как, да зачем, – я тогда еще совсем коростовый был, – а он молчал, молчал, да и говорит наконец: «Вот как пушу тебе, малый, по ушам кнутом, тогда узнаешь, зачем»* [10, т. 5, с. 271–287].
 (18) – *Да в чем, – говорит, – дело-то?*
 – *Мало ли, мол, делов у бедных людей, да какая кому печаль об них?* [10, т. 3, с. 84–104].
 (19) – *...Я даже этим разговором и наскучать вам не хочу* [10, т. 3, с. 84–104].
 (20) *Сестра ласково просила ее:*
 – *Ты уж скажи, нянечка, эти стихи до конца.*
И Наталья смузилась:
 – *Это не стихи-с, а песня... Да я ее и не упомяну-с теперь.*
 – *Неправда, неправда!* [10, т. 3, с. 7–55].

Яркой специфической особенностью речи крестьян в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. являются сентенционные реализации речевых интенций (31 пример, из них 23 примера – не прямые высказывания). Как правило, подобные сентенции представляют собой пословицы и поговорки, увлеченным собирателем которых на протяжении многих лет был писатель. В дискурсах крестьян в форме сентенции реализуются интенционные значения сообщения, самохарактеристики (21), неодобрения (22–23), угрозы (24).

- (21) – *...Когда будем помирать, тогда будем горевать* [10, т. 5, с. 271–287].
 (22) – *Уж и несешь ты, девка, и с Дону и с моря!..* [10, т. 4, с. 383–432].
 (23) – *...Ни совести, ни чести, хоть плюй в глаза, все Божья роса* [10, т. 5, с. 287–291].
 (24) – *Молчи, не кудахтай!* – крикнула Сонька. – *Авось я не ворона, есть оборона!* [10, т. 4, с. 383–432].

Среди сентенций встречаются как прямые реализации речевой интенции (25–30), так и косвенные высказывания (31–36).

- (25) – *...У чужом у краю и с рябой как в раю* [10, т. 5, с. 271–287].
 (26) – *...Двум смертям не бывать, одной не миновать!* [10, т. 2, с. 270–276].
 (27) – *Домок, как у зайца теремок...* [10, т. 5, с. 271–287].
 (28) – *...Що Илья, то и я, що Евсей, то и все* [10, т. 5, с. 271–287].
 (29) – *...Не пьют на небеси, а тут кому ни поднеси* [10, т. 5, с. 271–287].
 (30) – *...Верю, как говорится, только зверю, собаке да ежу, а прочему погожу* [10, т. 5, с. 287–291].
 (31) – *Чужая печка холодна* [10, т. 4, с. 228–231].
 (32) – *...Бог и колосьев не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].
 (33) – *...Бог лесу, и то не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].
 (34) – *...Я, как говорится, божья древо: куды ветер, туда и она...* [10, т. 5, с. 271–287].
 (35) – *...Мая душа прямая, все примая, и мед, и тот прет* [10, т. 5, с. 271–287].
 (36) – *...День меркнет ночью, человек печалью* [10, т. 5, с. 271–287].

Показательно, что при рассмотрении социального статуса второго участника диалога не было выявлено определенной закономерности: в прозе И. А. Бунина адресатами сентенций крестьян могут являться как представители своего сословия, так и дворяне. На наш взгляд, это свидетельствует об особом сентенционном способе мышления крестьян, который проявляется по отношению ко всем партнерам по коммуникации независимо от их принадлежности к той или иной социальной группе.

Сентенционные реализации речевых интенций выполняют ряд функций: они являются средством речевой характеристики персонажа, выражают наиболее важные ценности автора, позволяют выявить имплицитные смыслы, значимые для понимания произведения. Так, бунинская мысль о невозможности равенства между людьми эксплицируется в репликах Якова Нечаева, героя рассказа «Божье древо» (32–33). Утверждение веры вопреки советскому культу атеизма наблюдается в речевом акте повествователя, стоящем в сильной позиции – начале текста: *Нет, господин, не всяк Бога славит, а Бог себя*

явит [10, т. 4, с. 262–267]. Надпись на поруганном Спасе, представляющая собой сентенцию, помогает выявить непрямо выраженную ключевую мысль произведения о том, что в отказе от веры большевиков, их надругательстве над святынями кроется причина страданий людей. В рассказе «Божье древо» при помощи коммуникативных средств, в первую очередь за счет сентенционных реализаций речевых интенций, создается речевой портрет незаурядной языковой личности – крестьянина Якова Нечаева, человека, наделенного мудростью, смирением и любовью к образному народному слову. Пословицы и поговорки в дискурсе Натальи, героини повести «Суходол», способствуют речевой характеристике человека, почерпнутой своей судьбе: *Куда иголка, туда и нитка, Где родился, там сгодился, С кем поведешься, от того наберешься* [10, т. 3, с. 7–55]. Евсей Бодуля руководствуется надеждой на лучший исход при безразличном и небрежном отношении к жизни: *Авось в остроге не быки, а мужики* [10, т. 3, с. 7–55]. С помощью прямого репрезентатива изображается бездумность Петра Кирилловича, опрометчивость его решений (37).

(37) *И вдруг напал на то, что хотел подумать, и засиял улыбкой:*

– *Да, да: есть старик – убил бы его, нет старика – купил бы его!* [10, т. 3, с. 7–55].

Разнообразно и гибко в коммуникативном отношении реализована в речи крестьян и стратегия намека. В качестве особого типа не прямой коммуникации намеки рассматривали В. В. Дементьев и Т. В. Нестерова. Употребление глагола *намекать* в виде перформатива приводит к иллюзивному самоубийству, вследствие этого намек является одним из видов не прямой коммуникации, косвенным способом выражения смысла. Намек используется в коммуникации в том случае, «когда говорящий не может или не хочет выразить передаваемую информацию буквально» [16, с. 464].

В прозе И. А. Бунина используются как репрезентативный, так и директивный типы намеков. В первом случае намек выступает в качестве способа не прямого информирования. Для осуществления стратегии намека-указания используются тактики не прямого указания на третье лицо (38), собеседника (39) или конкретное событие (40).

(38) *...Является и говорит:*

– *Тебе, говорит, один человек велел кланяться, беспрерывно велел проводить его* [10, т. 3, с. 84–104].

(39) – *Богат, да дурковат, в голове рано смеркается, – бойко ответила Сонька, несколько польщенная.*

– *У меня, может, об другом об ком думки идут...* [10, т. 4, с. 383–432].

(40) – *А чем же ты провинилась?*

– *Да тем и провинилась... Я ведь уже сказывала... Молода-глупа была-с. «Пел на грех, на беду соловей во саду...»* [10, т. 3, с. 7–55].

В примере (38) дается намек-указание на конкретное лицо, а параметром коммуникативной ситуации выступает разговор представителей одного социального класса. Намек организуется сочетанием лексики *один* с именем существительным, причем информацию о конкретном референте читатель получает из контекста. В примере (39) параметром коммуникативной ситуации также является разговор представителей одного сословия. По мнению И. К. Кобозевой и Н. И. Лауфер, намек может использоваться в игровых целях [16]. Целью намека в данном случае является любовная игра. В примере (40) параметром коммуникативной ситуации выступает разговор крестьянки с помещиком. Наталья намекает на свою любовь к барину в молодые годы. Намек осуществляется путем использования цитаты из народной песни, в которой упоминается соловей – значимый концепт в русском и славянском культурном пространстве. Эта птица поет свою лучшую песню в темное время суток – пору любовных свиданий, следовательно, в сознании славян она связывается с отношениями влюбленных.

Во втором случае намек выступает в качестве способа не прямого воздействия. Для осуществления стратегии намека-угрозы используется тактика указания на коннотативную семантику слова (41).

(41) – *Вы барышней числитесь, а я вас волчком могу сделать.*

(*С волчьим билетом, значит.*) [10, т. 3, с. 84–104].

Здесь параметром коммуникативной ситуации выступает разговор представителей одного сословия. Намек-угроза осуществляется за счет использования антитезы, которая создается на базе контекстуально-ситуативных антонимов (*барышня – волчок*), а также реализуется за счет субстантивной лексики *волчок*, употребление которой отсылает к семантической коннотации *с волчьим билетом*.

Для осуществления стратегии намека-манипуляции используются тактики уклонения от ответа при подчеркивании серьезности проблемы (42), псевдопризнания (43).

(42) – *Насть, что ты такая грустная сделалась?*

– *Так, мол, – мало ли у меня горя!* [10, т. 3, с. 84–104].

(43) *...И поскорее перебиваю его, на хитрости пускаюсь:*

– Да нет, – говорю, – вы лучшие скажите, какой сон вы видели? *Про нас что-нибудь?*
Хотела, понятно, приятно ему сказать и так ловко попала. Взял он вдруг эту копилку, вынул ключик из шаровар... [10, т. 3, с. 84–104].

В обоих случаях параметром коммуникативной ситуации выступает разговор крестьянки с помещиком, причем намек используется с манипулятивной целью. В примере (42) в качестве языкового средства осуществления намека употребляется субстантивная лексема *горе* со значением ‘интенсивное эмоциональное состояние, связанное с ощущением утраты, либо высокая степень печали, скорби’. Однако из контекста прозаического произведения становится известно, что Настя не испытывает горя, ей руководит стремление выбраться из бедности. В примере (43) намек на чувства, связывающие людей, содержится в местоименной лексеме *мы*.

Установлено, что в рассказах и повестях И. А. Бунина 1900–1930-х гг. крестьяне делают намеки как представителям своей социальной группы, так и дворянам, что позволяет считать данную форму не прямой коммуникации универсальной, используемой в различных коммуникативных ситуациях по отношению к разным собеседникам. В результате анализа было определено, что в дискурсах крестьян преобладают намеки, связанные с темой чувств, отношений. Нередко встречаются намеки героя на собственную любовь («Митина любовь», «Суходол») или на любовь третьего лица («Хорошая жизнь»). Причиной использования в речи не прямой коммуникации данного типа может служить социальный запрет на прямую манифестацию информации о личной, интимной сфере жизни. Намеки выступают средством речевой характеристики крестьян, показателем их особой деликатности, невозможности экспликации в речи сокровенного чувства.

В речи дворян отмечаются косвенные речевые акты с интенциями несогласия, отказа и неодобрения (20 примеров). Во всех случаях высказывания обращены к представителям своего сословия. По мнению лингвистов, косвенное выражение данных, наиболее сложных в сфере речевого общения, коммуникативных намерений представляет собой прием этикетизации, который помогает гармонизировать взаимодействие собеседников, смягчить реализацию неблагоприятных для адресата интенций [11; 12]. Интенциональные значения несогласия (44–48), отказа (49) и неодобрения (50) могут быть выражены в форме вопроса (44–45, 49), сообщения (46), просьбы (47), сообщения, в состав которого входит фразеологизм (48), макроречевого акта, включающего вопросы и сообщение (50).

(44) – ...*Кто же из вас тоже не расписывался в том или ином месте и в той или иной форме?* [10, т. 4, с. 253–258].

(45) – *Ну-у, какая же ты барышня?* [10, т. 3, с. 7–55].

(46) – *Ох, сколь вы привержены к парадоксам, ваше высокопревосходительство...* [10, т. 4, с. 253–258].

(47) – *Но позвольте скромно заметить, что тут есть фамилии и французские, и английские, и русские, и всякие иные прочие* [10, т. 4, с. 253–258].

(48) – *В Новоселки идти. В лавку. Покрасить фуксином не хитрое дело.*

– *Бог с тобой, до Новоселок шесть верст!* [10, т. 4, с. 246–247].

(49) – *А зачем вам нужно знать, кто я, как меня зовут?* [10, т. 4, с. 334–340].

(50) – *Да что с тобой? – сказал хозяин. – Из всей твоей речи мне понравилось только твое замечание о странности такой гостинной беседы. Что с тобой?* [10, т. 4, с. 119–125].

В дискурсах дворян актуализируются риторические вопросы, обращенные к представителям своего социального класса (55 примеров). Риторические вопросы относятся к косвенным речевым актам, представляющим собой диаду *сообщение – вопрос* (с точки зрения формы подобный речевой акт представляет собой вопрос, тогда как по прагматическому значению он является сообщением). В речи помещиков риторические вопросы создают эмфатическую интонацию: эмоциональность, взволнованность речи подчеркивают, с одной стороны, возвышенность героев, а с другой стороны, их оторванность от жизни, склонность к бесплодным мечтам и бесцельным разговорам: *Милый князь, милый Иван Иванович, где-то гниют теперь ваши кости? И где наши общие глупые надежды и радости, наша далекая московская весна?* [10, т. 4, с. 202–208] Подобные иницирующие речевые акты, как правило, являются репликами-стимулами. Их цель состоит не в том, чтобы получить информацию: ответ на вопрос либо заранее известен, либо дать его невозможно, о чем свидетельствует информация, содержащаяся в контексте. Одна из функций риторических вопросов заключается в снижении речевой агрессии, смягчении коммуникативных интенций.

Для иллюстрации данного утверждения следует обратиться к рассказу И. А. Бунина «Последнее свидание». Параметром коммуникативной ситуации выступают встреча героев, которых в юности связывали любовные отношения, после разлуки и разговор между ними. Показательно, что приведенным фрагментам диалога (51–54) предшествует ссора героев.

(51) – Грубо, Андрюша... А теперь я жалкая институтская таперша, и где же!.. <...> **Разве я не могла бы и теперь еще найти человека, который дал бы мне покой, семью и любил и уважал бы меня?** Но память о нашей любви...

Стрешинев закурил и стал отвечать медленно:

– Вера, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравя для нас. И это я, а не ты, загубил себя [10, т. 3, с. 212–218].

(52) Папироска потухла. Он далеко отивырнул ее, уронил руку вдоль тела, глядя в потолок.

– Любовь прадедов, их портреты в овальных рамках с золотой бумажкой вокруг синей... Образ Гурия, Симона и Авива, покровителей наших древних семей... **Кому, как не нам с тобой, назначалось все это?** [10, т. 3, с. 212–218].

(53) Он взглянул на Веру и заговорил резко:

– **Зачем ты ушла – и за кем? – из своего рода, из своего племени?** [10, т. 3, с. 212–218].

(54) – Я о тебе с восторгом, с благоговением, всегда только как о жене думал. **А когда нас свела судьба? И чем ты мне стала? Женой разве?** А была молодость, радость, чистота, темный румянец, батистовая косоворотка... [10, т. 3, с. 212–218].

В примере (51) наблюдаются снижение речевой агрессии, уход от критики собеседника, переход от местоимения *ты* к местоимению *мы*, указание на недостатки дворянского сословия и самокритика. В примере (52) с помощью риторического вопроса передается эмоциональное состояние досады, печали. В примере (53) содержится смягченный упрек, выражаются эмоции обиды, досады, грусти. В примере (54) кроется признание в чувствах, а также констатируются ошибки прошлого, указывается на несправедливость жизни. Оба коммуниканта используют в речи риторические вопросы, употребление которых попеременно ставит их в сильную позицию, заставляет перенимать коммуникативную инициативу и контролировать беседу. Риторические вопросы используются в целях некатегоричного сообщения своей позиции и склонения собеседника к собственной точке зрения. В ходе диалога собеседники постепенно отказываются от упреков и категоричной критики, направленных на партнера по общению, и беседа, несмотря на сложность темы и коммуникативной ситуации, переходит в русло кооперации.

По нашему мнению, в речевой коммуникации персонажей И. А. Бунина отражается двойственность мировоззрения писателя, который одновременно и принимает традиции дворянства, и полемизирует с ними.

Заключение

В рассказах и повестях И. А. Бунина 1900–1930-х гг. коммуникативные характеристики крестьян являются более объемными, богатыми и разнообразными, чем коммуникативные характеристики представителей дворянства.

Писатель с симпатией изображает крестьян как творческих, самобытных языковых личностей. В их речи наибольшим разнообразием отличаются коммуникативные тактики, при помощи которых реализуются стратегии намека и уклонения от ответа. Уклончивые ответы крестьян представляют собой реакцию на вопросы помещиков и отражают их стремление как к кооперации в общении, так и к дистанцированной коммуникации. В речи крестьян частотны не прямые высказывания, при помощи которых реализуются неблагоприятные коммуникативные намерения (несогласие, отказ и неодобрение). Данные речевые акты адресуются дворянам, что свидетельствует об интуитивном соблюдении крестьянами правил статусно маркированного общения. Кроме того, в дискурсах крестьян важную роль играют сентенционные реализации речевых интенций, среди которых преобладают не прямые высказывания. При помощи сентенций выражаются такие коммуникативные намерения, как сообщение, самохарактеристика, неодобрение и угроза. Основные функции данных высказываний состоят в том, чтобы охарактеризовать героя и выразить значимые в системе ценностей писателя идеи, имплицитные смыслы, без понимания которых текст не может быть интерпретирован. Также регулярно обнаруживаются как репрезентативные, так и директивные намеки, что отражает следование крестьян социальным нормам. В намеках актуализируются местоименные и субстантивные лексемы. В речи крестьян социальная роль адресатов как намеков, так и сентенций является различной.

В дискурсах помещиков нередко встречаются не прямые реализации интенций несогласия, отказа и неодобрения. Высказывания дворян адресуются представителям своего социального класса и отличаются следованием этикету. Высокой частотностью характеризуются риторические вопросы, отражающие как устремленность к гармонии в общении, так и иррациональность речевого поведения. В дискурсах помещиков отражаются социальная двойственность мировоззрения писателя, его амбивалентное отношение к дворянству.

Библиографические ссылки

1. Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Либроком; 2014. 261 с.
2. Винокур ТГ. *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. Москва: Ленанд; 2017. 171 с.
3. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Ленанд; 2015. 299 с.
4. Степанов АД. *Проблемы коммуникации у Чехова*. Москва: Языки славянской культуры; 2005. 396 с.
5. Михальчук НА. Функции косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;2:78–85.
6. Михальчук НА. Косвенные речевые акты как средство создания художественного образа в произведениях Владимира Набокова. *Русский язык за рубежом*. 2017;5:57–63.
7. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 374 с.
8. Серль ДжР. Косвенные речевые акты. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 195–223.
9. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских. *Русский язык за рубежом*. 2010;2:57–65.
10. Бунин ИА. *Полное собрание сочинений: в 13 томах*. Москва: Воскресенье; 2006. 13 томов.
11. Brown P, Levinson SC. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. New York: Cambridge University Press; 1978. p. 56–311.
12. Карасик ВИ. *Язык социального статуса*. Москва: Гнозис; 2002. 333 с.
13. Богданов ВВ. *Речевое общение: прагматические и семантические аспекты*. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1990. 88 с.
14. Задворная ЕГ. Речевые тактики уклонения в повседневном межличностном общении. В: Харитончик ЗА, редактор. *Языковые значения. Выпуск 2*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2002. с. 22–39.
15. Шляхов ВИ, Саакян ЛН, Толстова НН. *Иносказания в русском речевом взаимодействии*. Москва: Русский язык; 2014. 192 с.
16. Кобозева ИМ. Об одном способе косвенного информирования. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1988;47(5):462–472.

References

1. Karaulov YuN. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Librokom; 2014. 261 p. Russian.
2. Vinokur TG. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and listening: variants of speech behaviour]. Moscow: Lenand; 2017. 171 p. Russian.
3. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Lenand; 2015. 299 p. Russian.
4. Stepanov AD. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2005. 396 p. Russian.
5. Mikhalechuk NA. Functions of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;2:78–85. Russian.
6. Mikhalechuk NA. Indirect speech acts as the means of creating the artistic image in Vladimir Nabokov's works. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2017;5:57–63. Russian.
7. Dement'ev VV. *Nepriamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow: Gnozis; 2006. 374 p. Russian.
8. Serl' DzhR. [Indirect speech acts]. In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 195–223. Russian.
9. Nesterova TV. Manipulative implementations with the intention of refusal in the Russian everyday communication. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2010;2:57–65. Russian.
10. Bunin IA. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Voskresen'ye; 2006. 13 volumes. Russian.
11. Brown P, Levinson SC. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. New York: Cambridge University Press; 1978. p. 56–311.
12. Karasik VI. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow: Gnozis; 2002. 333 p. Russian.
13. Bogdanov VV. *Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech communication: pragmatic and semantic aspects]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet; 1990. 88 p. Russian.
14. Zadornaya EG. [Speech tactics of avoidance in everyday interpersonal communication]. In: Kharitonchik ZA, editor. *Yazykovye znacheniya. Vypusk 2* [Language meanings. Issue 2]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2002. p. 22–39. Russian.
15. Shlyakhov VI, Saakyan LN, Tolstova NN. *Inoskazaniya v russkom rechevom vzaimodeistvii* [Allegories in Russian speech interaction]. Moscow: Russkii yazyk; 2014. 192 p. Russian.
16. Kobozeva IM. [On one way of indirect informing]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1988;47(5):462–472. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.11.2022.
Received by editorial board 16.11.2022.